

РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ ПРИКАМЬЯ В ФИННО-УГОРСКОМ ОСВОЕНИИ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматриваются факты межъязыковых соответствий фразеологии русских говоров Прикамья и фразеологии удмуртского и коми (коми-пермяцкого, коми-зырянского) языков. Дается описание семантики и специфики образности заимствованной русской диалектной фразеологии. Выявляются и характеризуются типы заимствований (полные заимствования, фразеологические кальки, полукальки). Предлагаются некоторые способы разграничения фразеологических заимствований и типологических соответствий в неродственных языках, находящихся в активном культурно-языковом взаимодействии. Делаются выводы об усвоении носителями неродственных русскому языков отраженных в русской фразеологии культурных и оценочных коннотаций, в том числе отмеченных славянской этнической спецификой.

Ключевые слова: культурно-языковое взаимодействие; русское и неславянское население Прикамья; русская диалектная фразеология; типы и способы фразеологических заимствований.

Фразеологические единицы строятся на вербальной символизации реалий материальной и духовной культуры, которые составляют основу и специфику образа жизни того или иного народа. Во фразеологии отражаются характерные особенности культурно-исторического развития, психического склада и черты мировидения народа, в связи с чем она давно понимается как наиболее уникальная часть национальной лингвокультуры. Одновременно следует отметить, что фразеология как продукт языковой метафоры может отражать и универсальность человеческого знания о мире, материальное тождество которого не может быть скрыто никакими этнографическими особенностями. Как отмечает Е.Г.Которова, «количество метафор, не имеющих параллелей в разных языках, чрезвычайно мало – метафоры, вне зависимости даже от генетического родства языков, повторяются от языка к языку» [Которова 1982: 20]. В связи с этим проблема разграничения фразеологических заимствований и типологических схождений достаточно трудна. «Хотя нередко в историко-этимологических справочниках то или иное выражение трактуется как калька (resp. исконно национальный оборот), специальный лингвистический анализ приводит к выводу об их более широких межъязыковых проекциях и типологи-

ческой, а не генетической близости» [Мокиенко 2009: 27].

Фразеология русских говоров Прикамья, имеющая общие образные основания с фразеологией соседних с ними языков финно-угорских народов (коми-пермяцкого, коми-зырянского, удмуртского), значительна по объему и тематически разнообразна. Коми-зырянское выражение *би вылын сюмӧд моз гартчӧ* (букв. «корчится, как береста на огне» – о недовольном человеке) совпадает с русским диалектно-просторечным *вертеться, как береста на огне* ‘изворачиваться, юлить, хитрить’ (ср. в частушке: «Мил вертушка, мил вертушка, мил вертушка – не по мне: милый вертится в любви, как береста на огне»); шутивно-ироническое *телега дзуртӧмысь повзъыны* (букв. «испугаться тележного скрипа» – о трусливом, мнительном человеке) – с выражением *тележного скрипу боится*; описательное *йӧзлысь чӧс туй кыйны* о супружеских изменах (букв. «по чужой охотничьей тропе добычу собирать») – с фразеологизмом *ходить по чужим путикам*. Совпадают коми и русские шутивные оценки очень дальнего или сомнительного родства *ӧти шонді улын нямӧднымӧс косьтылім* (досл. «под одним солнышком мы свои портянки сушили»), крайней занятости (*юр гыжйышитны некор – некогда голову почесать*), плотно поевшего (*кынӧмысь, кӧть той ви* – «жи-

вот – хоть вошку убивай», ср. в пермских говорах *брюхо – вошку убить можно*, безделья (*тöв чужъявны – ветер пинать*), богатства (*сылöн деньгаыс чöртлы сарай вылö не шыбитны* – «у него денег столько, что чёрту не выкинуть на крышу», ср. пермское *денег – черт на крышу/вышку/ чердак не забросит*), шутливое оправдание рыбака, вернувшегося ни с чем (*черыд ассыс няньсö сёйö* – «рыба свой хлеб ест»). Коми-пермяцкий фразеологизм *пес поткитны* ‘сильно кашлять’ совпадает с русским диалектным *дрова колоть, шондö вузавны* ‘бездельничать’ – с идиомой *солнце продавать*. Неодобрительное пермское выражение *долгая голяшка* о долговязом человеке полностью соотносится с удм. *кузь юмыл* (букв. «длинная голень»), ироническое *собакам сено косит* как ответ на вопрос, где отец внебрачного ребенка, с удм. *поннэзлц турун ытшикц* (букв. «собакам траву косит» – о муже, ушедшем из семьи), русское *мытая репа* о маленьких детях с удм. *миськем сяртчы кадесь*, коми *миссьытцм сёртти кодъцсь* (букв. «как вымытые репки»). Совпадения могут быть выявлены в нескольких языках – коми и русская оценка крайней занятости *юр гыжйышитны некор, некогда голову почесать* совпадает с удм. *йырез корманы дыр овол* (букв. «некогда даже голову чесать»). Удмуртская оценка гладкой, ровной, накатанной дороги *карта кадь вольыт* («гладкая, как карта») соответствует коми-зырянской характеристике *карти лист кодъ туйыс* («дорога, как карточный лист»), русскому выражению *дорога как карта*. В последнем случае устойчивое сравнение качества дорожного полотна и игральные карты создано на осмыслении их особой гладкости (неслучайно они и называются *атласными*, т.к. бумага, на которой они печатались, предварительно натиралась тальком на специальных талечных машинах).

Совпадения могут сопровождаться частичной модификацией образа. Так, пермскому выражению *сторонку иметь, на сторону ходить* (о супружеских изменах) соответствует коми-пермяцкое *бокц тальны* (букв. «в сторону топтать»). Коми-пермяцкий фразеологизм *бицн ньывйц кайныи* (букв. «огнем по пихте подняться» – оценка излишне эмоционально проявляющего себя человека) ассоциативно соотносится с пермск. *пихта в огонь* (о вспыльчивом человеке). Выражение *сюзь пельпон вылас пуксьыма* (букв. «сова на его плечо села» – о заснувшем человеке) близко к пермскому диалектному *жаворонок на крыльца сел* – об усталом человеке. Как коми, так и русский фразеосюжет «объясняет» состояние человека воздействием птицы, представляет потерявшего чувствительность человека как не-

живой объект (ср. также среднеуральское гиперболическое *на уши пичужска сяла* – о невнимательном человеке). На одном и том же соотношении с необъезженной лошадейю строятся русское *в оглоблях полегивает* – о вспыльчивом человеке и удмуртское *вакчи вайыж* (букв. «короткая оглобля»). Встречаются также случаи такого частичного изменения внутренней формы фразеологизма, которое приводит к новой семантике выражения. Коми *пур костысь ва койны* ‘болтать пустое, переливать из пустого в порожнее’ (букв. «выплескивать воду между плотами») строится на известной аналогии говорения и переливания воды. Ближкое к нему русское диалектное (*как*) *с плота воду лить* имеет более сложный смысл – обозначает жизнь в лишениях, тяготах («*Раньше жила как с плота воду лила, а сейчас-то живу хорошо, всё-то у меня есть*» – Кривец Ильинского района), обыгрывает «сизифов труд» избавления от воды на воде (ср. в уральской поговорке о невезении *счастье идет как вода на плот*).

Расхождения формы фразеологизмов при этом могут быть связаны с грамматической спецификой языка. Так, коми-зырянский фразеологизм *вöр поткöдан шум* (букв. «шум, звук, раскалывающий, раздирающий лес» – о нестерпимом громком шуме, звуке) содержит причастие, тогда как русские диалектные выражения *дубрава колется, лес дерёт* (о громком пении, крике) строятся на глагольной основе. Отмечаются и явные случаи использования в исследуемых фразеосистемах русских фразеологизмов, не зафиксированных в русской речи. Так, коми-пермяцкий фразеологизм *баска Параня* (о вырядившемся человеке) содержит негативное осмысление формы имени Прасковья *Параня*, которое, вероятно, было задано архаичным соотношением имени *Прасковья* с именем покровительницы домашнего хозяйства и женских занятий *Параскева Пятница* (ср. иное развертывание коннотаций этого имени в пермском *бестолковая Паранька* – о глупой женщине).

В процессах взаимообмена лексикой и фразеологией непосредственно отражается ареальная близость, интенсивное культурно-языковое взаимодействие русского, удмуртского и коми народов. В немалой степени множественность фразеологических совпадений объясняется тем, что овладение русским языком удмуртами и коми, которое на Урале, в Прикамье, на Русском Севере длится не один век, складывалось в активном бытовом и трудовом общении, т.е. стихийно, естественным путем, по устным каналам. Активное восприятие неславянским населением русской диалектной фразеологии, в том числе

бытующей в Прикамье, в немалой степени объясняется тем, что и удмурты, и коми хорошо владеют русской речью, являются активными билингвами (особенно это касается территорий, где русские, коми, удмурты живут в непосредственной близости). Естественно, что в их русской речи многочисленны случаи буквального перевода фразеологизмов своего языка. Например, коми-язвинское выражение *зубов мало* («*На ее грубости я тогда отвечать не могла, моих зубов тогда было мало*» — Талавол Красновишерского района) о том, кто не может дать отпор, связано с русскими диалектными фразеологизмами *зубы в два ряда*, *зубы лишние* — о способном решительно возразить (ср. также *зубить* ‘грубить’) и одновременно близко к коми *кузь пиня* (букв. «с длинными зубами») — о способном грубо ответить; и в том и в другом случае использовано соотношение демонстрации зубов с обороной, проявлением агрессии. Нередки, впрочем, случаи такого перевода коми фразеологизма, когда своей внутренней формой калькированный оборот не совпадает с языковой «логикой» русского языка. Таково сравнение *как птичка* о быстром, подвижном человеке, животном («*Телёнок-то у меня такой короший, как птичка прыгает*»); в русских говорах сравнение с птичкой актуализирует иные смыслы (напр., идею беззаботности или «малости», откуда распространённое выражение *ест как птичка*, т.е. крайне мало). Сравнение с муравьём в русской языковой среде может характеризовать прежде всего трудолюбивого, тогда как в устах русскоговорящего коми-пермяка оно может оценивать бедного («*Деньги не были, как мурашки жили в колкозе*»).

Для заимствованной фразеологии можно выделить несколько способов освоения — чистое заимствование и калькирование (полное или частичное). Достаточно большое количество фразеологизмов указанными языками осваивается без перевода. Фразеологизм *петь да шест* представляет собой диалектную произносительную форму выражения *петь да шесть*, которое в русских говорах Прикамья может иметь и другие значения — характеризует сильный страх (Юрлинский район), реже состояние беременности (Октябрьский район). Выражение высоко идиоматично и основано на отдалённых ассоциациях, которые обычно привлекаются для эвфемических обозначений. По внутренней форме оно соответствует болгарскому выражению *ни пет ни шест* ‘недолго думая’ и создано как указание на отсутствие у человека возможности (времени, способности) совершать логические операции. Закреплению фразеологизма, вероятно, способ-

ствовало то, что русские числительные в коми-пермяцком языке практически вытеснили собственные числительные. Сочетание *дикций пасма* в точности (за исключением фонетического и грамматического оформления) соответствует русскому диалектному *дикое пасмо* ‘бестолковый, недогадливый человек’ и строится на осмыслении ткаческого ремесла, требующего, в частности, умения хорошо считать. Словом *пасмо* в говорах (известно в латышском и ряде славянских языков [Фасмер III: 212]) называется часть мотка льняных ниток для мотовила. В *пасме* обычно содержится 4 пучка, в пучке — от 10 до 20 чисмениц, т.е. небольших мотков по 3 нитки каждая (в некоторых говорах «измерительный» смысл слова подчеркнут тем, что вместо *чисменка* используется слово *численка*). Впрочем, известна в этом же значении в коми языке полукалька *лыдтци пасма* (букв. «бесчётное пасмо» — ‘глуп’).

Практически без перевода освоены также выражения *нагайский кыбыла* — о резвой, непослушной, часто ветреной девушке (фразеологизм обыгрывает образ нагайской лошади-скакуна, прародительницы казачьей, донской породы; при том что лошадь отличает нарядный экстерьер — яркий золотистый оттенок масти — лошадь в силу своей резвости не пригодна в крестьянском хозяйстве); близкое по характеру образности *ардынский порода* — о крупном, здоровом, сильном человеке (арденская, или бельгийская, лошадь считается самой старой породой из всех европейских тяжёловозных, рабочих лошадей — это плотная некрупная лошадь с костистыми и широко поставленными ногами, со сравнительно толстой и короткой шеей, мягковатой спиной и спущенным свислым крупом).

Особенно много в исследуемых языках фразеологических полукалек, выражений, в которых, наряду с относительно точным копированием русского компонента, имеются исконные коми или удмуртские слова. Фразеологизмы с сохранением во фразеологизме в непереведённом виде того или иного компонента или с воспроизведением в принимающем языке его структуры следует рассматривать как русские заимствования. Коми-пермяцкий фразеологизм *куч гиснеч* (букв. «заячий гостинец») ‘хлеб или лесные ягоды, которые взрослые приносят детям как гостинец из леса’ известен и в коми-зырянском языке — *кӧч нянь гӧснеч* (так называют трутовый гриб, приносимый из лесу взрослыми для детей, или хлеб, приносимый детям обратно из лесу, с работы в поле). Фразеологизм определённо имеет заимствованный характер, т.к. содержит деформированное русское слово *гостинец* (*гиснеч*). Впро-

чем, по отношению к другим языкам можно говорить и о существовании его типологических соответствий. Данное выражение известно в немецком языке – *Hasenbrot* – также название принесенного с поля или из леса недоеденного хлеба (иногда такое угощение маленьким называют также *Lewarkenbrot*, букв. «хлеб жаворонка»). Потребность фразеологически выделить (а фактически – мифологически интерпретировать) данную реалию связана с тем, что в разных культурах остаток пищи (и особенно побывавшей на природе) наделялся особой энергетикой, сакральной силой, съеденный, он «приносил удачу» (так же, как и выпрошенный в чужом доме, как «нахожий»), т.е. найденный хлеб, как хлеб из подающих нищему). Кроме того, он был для детей жданным, ни с чем не сравнимым лакомством (ср. об этом в романе Б.Евдокимова «Родительский дом»: «Митя у отца сумку забрал. Тяжелая сумка была. «Чего там? – спросил Митя и улыбнулся.— Лисичкин хлеб или заячий?» В детстве... отец всегда привозил с поля, из лесу недоеденный, но самый сладкий «лисичкин» хлеб»).

Коми фразеологизм *кцть чирс вылын трцсит* (букв. «хоть на веретене тряс») 'об очень ветхой одежде' имеет русское диалектное (пермское) соответствие *на веретне страсти, хоть на веретне страсти, страсти на веретёшко* в том же значении и воспроизводит не только образ, но и грамматическую структуру русского диалектного выражения. Смысл фразеологического образа заключается в уподоблении ветхой одежды куделе, поскольку диалектное выражение *веретеном трясти* устойчиво использовалось как обозначение процесса прядения. В поговорке *наша невеста не гусей пасла, а веретеном трясла* взрослость невесты подчеркнута тем, что ей уже поручается прясть (тогда как пасти гусей доверялось только детям). В старой русской загадке о прядении *на лице сижусь, сквозь клён гляжу, берёзой трясу* прядение также обозначено как трясение (липа означает прялку, клён — гребень для чесания кудели, береза – веретено). Отметим, что на русской почве данный фразеосюжет проявляет намного больше семантических потенций. Иногда в русской диалектной речи оборот *на веретне страсти* мог использоваться как грубовато-шутливая характеристика предельно старого человека (по аналогии с ветхостью); прядение – трясение веретеном (в выражении *веретеном трясти можно* – о чем-либо легком, легко достигаемом и соответственно *не веретеном трясти* «не легко сделать») может осмысляться и как оценка заурядного занятия (и в связи с тем, что прясть в прошлом умела любая

женщина, и в связи с восприятием прядения как сугубо женской работы, не требующей особого ума и умения).

Коми-пермяцкий оборот *знамьё сетны* полностью соответствует пермскому диалектному выражению обрядового характера *дать знамя* 'дать задаток в ответ на сватовство' (невеста в конце сватовства дает жениху символический подарок в знак согласия о выходе замуж): «Знамьё сетны. Это свататься – знамя просит женик. Знакомишься, да придёт, знамья просит, если желаешь ты замуж выходить. Я носовой платок вышивала мужику, он мне платок дал. Это знамя как называется, мене он платок дал, а я носовой платок вышила, дала, когда сватается». (*Зап. в д. Мысы Гайнского района*). Обрядовый термин содержит указание на глагол *знать* (*знамя* – то, что позволяет отличать, замечать, т.е. отличительный знак; ее подарок обычно входил в состав приданого): «На просватанье-то приходит самая близкая родня, на этом просватанье-то девка знамя-то и давала как надежду какую жениху, там, например, перчатки, или рукавички, или поясок». (*Зап. от Пикулевой А.М., 1937 г.р., д. Пож Юрлинского района*); «Знамя дают ещё, кто варежки, кто платок носовой жениху-то, чтобы уж не обмануть, не обманно чтобы». (*Зап. от Овчинниковой А.В., д. Кукольная Юрлинского района*).

Примерами полуперевода-полузаимствования русского выражения, когда часть компонентов фразеологизма переводится, а часть сохраняется без перевода, являются коми-пермяцкие фразеологизмы *ад летны* 'громко кричать' (букв. «ад драть»), *ад тыртны* 'жадно есть, жрать' (букв. «ад набивать»). Фактически в этом случае заимствован лишь экспрессивный синоним к слову *рот* – диалектное слово *ад* в значении 'хайло, пасть, зев, горло, глотка' (ср. диалектное *адовать* 'жадничать' и 'кричать'). Освоены также обороты *зника не сетны* ('не давать покою' – от стар. *зник* из *взник* 'отдых, покой'; ср. пермское *зника не давать* 'беспокоить'), *кыз пестер* – о полном человеке (букв. «толстый пестерь» – слово *пестерь* считается заимствованием из русского [Фасмер III: 250]), *глукий тар* (букв. «глухой тетерев») – о тугом на ухо, *тишын мороз* – о сильном морозе (букв. «дым мороз» – выражение основано на описании особого состояния природы, когда воздух теряет свою прозрачность и делается туманным, поскольку его нагревает вода, которая при морозах всегда теплее окружающей среды).

В отличие от полукалек установление полных калек достаточно проблематично – совпадения образных оснований фразеологизмов могут быть

заданы универсальностью древних верований и представлений. Сюжеты многих народных идиом задают, например, богатейшие культурные коннотации воды, в основном восходящие к языческому ее почитанию. Коми выражение *ва оз кылӧд* («водой не унесет») ‘нет причин торопиться, спешить’ соответствует русскому *не водой несёт* (чаще фиксируется в форме *не в полои несёт*, где *полои* ‘весенний паводок’). По происхождению выражение можно связать с бытовой ситуацией – переправой на лодке через реку (при замедлении работы веслами вода может отнести лодку вниз). Наличие диалектного русского варианта *не в полои несёт*, впрочем, может указывать на отражение во фразеологизмах архаичного представления о воде как опасной природной силе, в традиционном восприятии выступающей как сила сакральная, исключительная (ср. в связи с этим обряд отправления на полуию воду болезней в практике заговаривания, поволж. *как на полуию воду* ‘без следа и пользы’). Вода как надприродная сила, «повелевающая» человеком, определяющая его жизнь, представлена в коми-зырянском *ва оз лӧсяв* («*ва оз лӧсяв, пыр висят татӧни*»), букв. «вода не подходит, всё время здесь болею»), которое соответствует русскому диалектному (пермскому) выражению *вода не по мне* (*вода не моя*); оба выражения обозначают невозможность жить, находиться в каком-либо месте, в каких-либо условиях. Интересно полное совпадение внутренней формы коми-пермяцкого выражения *вывтырын ва оз цышы* (букв. «на нем вода не держится») – о крайне бойком, энергичном человеке) и пермск. *тепла вода на ком не держится* – о крайне болтливом человеке, уральск. *вода не держится на ком* – об очень высоком, сильном человеке (известно аналогичное брянское выражение о полном, сытом, довольном человеке). Фразеологизм указывает на фиктивную исключительную способность активного, сильного человека не воспринимать на себе действие воды (напр., испарять ее, не задерживать на одежде, т.е. «превозмогать» ее).

Сложно установить, являются заимствованием (а если заимствованием, то каким – русским в коми языке или коми в русской диалектной речи) или только типологически совпадают коми фразеологизм *коз пу йылысь тури висьтавны* (букв. «говорить о журавле, сидящем на сухом дереве») ‘рассказывать небылицы; врать’) и пермское диалектное *журавля на сосне сказывать* ‘врать’. В основе этого выражения лежит практическое наблюдение из мира природы, которое можно считать достаточно универсальным: журавли никогда не садятся на деревья – в силу особенностей строения ноги они не могут обхватывать

пальцами ветку или сук дерева. Точно так же бытовое наблюдение мотивирует коми-пермяцкий фразеологизм *майӧг йылын катша моз бергалӧ* (букв. «вертится, как сорока на колу – о неспокойном человеке), ср. также коми-зырянское *олӧмыд катшалӧн майӧг вылӧ пуксьылӧм дыра* («жизнь так же коротка, как пребывание сороки на колу») о мимолетности жизни). Выражение по внутренней форме соотносится с диалектным *доле сорока на коле сидит* – о кратковременном визите, в котором также обыгран образ жизни, особенности осторожной птицы (сороки, как известно, частые обитатели деревни, но предпочитают жить в лесу, отличаются тем, что сохраняют природную осторожность по отношению к человеку). Кроме того, сюжет фразеологизма может отталкиваться от устойчивого во многих культурах мифологического мотива птицы на дереве (образ мирового древа, или древа жизни) и известной многим языкам образной аналогии вранья и рассказывания мифов. Как на Руси журавли считались «божьими» птицами, так и у коми народов они почитались как вещи, тотемные птицы [Дукарт 1978: 96]. Русское диалектное (пермское, вятское) выражение-клятва *солнышком баю* (*говорю*) соответствует удмуртскому уверению в истинности сказанного *вот та шунды* букв. «вот это солнце» (аналог русского выражения *честное слово*). В этом случае также можно предполагать типологическое соответствие выражений, поскольку солярные культы, обожествление солнца как источника жизни (и как способ принесения клятвы привлечением в «свидетели» божества) известны многим народам, присущи всем языческим религиям.

Типологическое совпадение фразеологических образов, таким образом, может быть задано универсальным характером многих мифологических и обрядовых традиций – общеизвестно сходство и даже буквальное совпадение самых далеких традиционных культур, разделенных пространствами и историческим опытом. Сложнее определить генетические истоки выражений, не имеющих отношения к такого рода универсальным мифологическим мотивам. Так, любопытный пример межъязыкового соответствия, которое трудно определить как заимствование или типологическое совпадение, представляют собой коми-зырянск. шутол. *кок шонтысь* букв. «ноги обогревающая» (о жене) и пермск. *пяточки погреть* ‘лечь спать с женой’. Выражение, что типично для эвфемии, строится на предельно отдаленных ассоциациях (эротического характера) к теплу (ср. аналогичное жаргонно-просторечное грубое о жене, любовнице *биологическая грелка*). Описательное выражение «ноги

обогревающая» в этом случае реализует древнюю эвфемическую установку на прикрытое обозначение всего, что связано с интимным, семейным (по этой же логике, вероятно, были созданы обозначения жены типа нем. *Weib* «ткущая» или «одетая», «прикрытая» – по некоторым версиям от древнего герм. *wiba ‘жена, женщина’ из wiba < wēban ‘прясть, ткать’ [Wilton’s]; по этой же причине возникает народно-этимологическое соотнесение слова *жена* с глаголом *жечь*, что позволяет интерпретировать его как «жгущая, поддерживающая пламя очага»).

Наиболее очевидны заимствования русских фразеологизмов, связанных с русскими обрядовыми элементами, с обозначениями реалий материальной и духовной культуры русских. Примером здесь может служить выражение *улицаэз меряйтны* ‘слоняться без дела’ (букв. «мерять улицы»). В русских говорах это сочетание используется как название гуляний девушек брачного возраста с Троицы до Петрова дня (обычно такое шествие проходило по главной улице деревни под пение протяжных песен в праздничные и воскресные дни). Образованный на базе термина оценочный фразеологизм представляет безделье как участие в праздничной игре. Скорее всего, заимствованы коми языками из русского языка и фразеологизмы, в основе которых лежат образы русской народной игры. В частности, в выражении *шемела песны* ‘без толку биться, непоседничать, егозить’ использовано русское слово *шемела* ‘метла’, известное в ряде говоров и этимологически родственное слову *помело*. Оно также использовано для обозначения святочной игры, бега вприсядку, впуски на корточках (новг.) при песне «*Не учила меня мать ни ткать, ни прясть, а учила меня мать шемелой играть!*» Эта игра, бег с высоким подниманием колен, не только развивает координацию движений рук и ног с дыханием – в силу своей комичности она в свое время легко вписалась в забавы святочного времени.

Вошли в другие языки некоторые русские этикетные формулы типа коми-зырянского *чай да сахар тьянлы* («чай с сахаром вам» – приветствие, доброе пожелание тем, кого застали за чаепитием), коми-пермяцкого пожелания работающему, аналогичного выражению *Бог в помощь порина тэныт!* (букв. «спорина тебе»). Отметим редкий пример совпадения напутственного пожелания *кбчдн мунны, сюзьдн локны* (букв. «зайцем уйти, филином прийти»; шуточное пожелание вернуться кому-л.с успехом) и аналогичного русского пожелания *Убегай зайчиком, прилети филином*. Представляется, что зафиксированное в русских говорах выражение

исходно, первично – оно используется при стрижке овцы (чтобы овца ходила домой, после стрижки ее необходимо погладить рукой и сказать: «*Летай филином, прыгай зайчиком, никому не поддавайся – ни собакам, ни волкам*» – п. Сёйва, Гайнский район). По своей сути оно представляет мини-заговор и содержит уподобление домашнего животного лесным обитателям. Перенос пожелания на человека в коми-зырянском языке скорее всего вторичен.

Этнографическая отсылка не всегда может быть закреплена в русском по происхождению компоненте. Так, коми-зырянский оборот *рыньшыд сотчӧ* (букв. «овин твой горит») в значении ‘ты невесту проворонил’, скорее всего, является калькой и связан с русским названием беседной святочной игры «Овин горит», широко известной на Русском Севере³. Любопытно, что русское выражение *как овин сгорел* – о произошедшем стремительно – контекстуально также связано с темой брака («*Невесту увезут – как овин сгорел, скорёшечко, вот и всё тут*» – Лёк Кишертского района). Смысл фразеологизма задан тем, что овины раньше горели часто и, поскольку они были основательно просушены, сгорали мгновенно. В коми-зырянском выражении образ пожара соотнесен с бедой, неудачей, что, впрочем, встречается и в русском языке (как скрытое обозначение близкой беды в повести В.Г. Яна «Юность полковника»: «Александр ... подозвал двух дружинников, обычно его сопровождавших, и сказал одному из них: «*Беги к воеводе Ратше и скажи, чтобы тот сейчас же пришел ко мне в Городище. Скажи ему только одно: < Овин горит! Так и скажи: Овин горит!*» – «*Овин горит? – повторил удивленно дружинник и, повернувшись, побежал во весь дух*»). Вообще же соотнесение свадьбы с пожаром имеет более глубокие основания; пожар осмысливается не только как метафора волнения, беспокойства, но и как символ страсти, плотских желаний. Любопытно в этом плане самарское выражение *тушить овин*, обозначающее завершение свадьбы (сопровождалось реальным тушением костра на улице). Стоит отметить, что сюжет фразеологизма *овин горит* может быть соотнесен с другими русскими диалектными выражениями с идеей пожара. Псковское выражение *деревня горит* используется как формула – «приветствие» сбивающему масло – и объясняется народными суевериями на сбивание масла. Идея фиктивного пожара призвана заставить сбивающего масло выбежать из дому, чтобы тем самым «нейтрализовать» возможный сглаз (ср. другие этикетные предписания – волог. выбежать на дорогу, если

тебя застали за сбиванием масла, пермск. сесть скрестив ноги).

Еще одна косвенная примета русских фразеологических заимствований – отнесенность к тем или иным семантическим группам. По нашим наблюдениям, межъязыковые фразеологические соответствия наиболее характерны для обозначения экстремальных физических, психических и социальных ситуаций и состояний человека – психическая ненормальность, пьянство, смерть, сложные психофизиологические состояния человека. Коми-пермяцкий фразеологизм *Могилёв город*, обозначающий тот свет, отражает бытующие представления о жизни после смерти, ср. об этом в следующем контексте: «*Когда умирают люди, потом живут там в городе. Могилёв город. Дым едят. Там верес растёт. Они работают, горшки делают. Триста лет проживёшь, и снова молодой сделаешься...*». Этот фразеологизм соотносится с русским диалектным обозначением кладбища *Могилевская деревня* (и с известным *Могилевская губерния*), с представлением о кладбище как месте «жительства» умерших родителей – типа *Голубой городок*, *Звездный городок*, *Крестовая деревня* (в связи с последним ср. *крѣста деревняын керку босьтны* ‘умереть’, букв. «в деревне с крестами дом купить»). Шутливое выражение *кашниккез керны* ‘быть мертвым’ (букв. «делать горшки») имеет русский аналог *горшки делать на Виклинской горе* (в его состав введен топоним, обозначающий место нахождения кладбища). Оба фразеологизма обыгрывают аналогичность смерти и работ, связанных с землей (глиной).

Фразеологизмы-соответствия нередко характеризуют иррациональные, необычные состояния и обстоятельства. Фатальное невезение оценивается в русском диалектном *Касьян поглядел* и коми-зырянском *Касьян видзёдлёма* (букв. «Касьян посмотрел»). Упомянутый в выражении мифологический персонаж *Касьян*, известный как *злой, кривой, скупой, завистливый* (ср. в старой поговорке: *Касьян на что ни взглянет – всё вянет*), связан с последним днем зимы, с мифически опасным переходом от старого к новому (см. подробно: [Мадлевская]). Особое психофизиологическое состояние человека, связанное с расслабленностью, ленью, желанием сна, представляет диалектное выражение *Тихон берёт*, *Тихон подкрадывается*. В коми-пермяцком языке это значение передают обороты *пельпоннэз выло Тихон кышасис*, *Тикцынс сиви вылас вожасьым* (букв. «на плечи Тихон сел», «Тихон на загривок/шею сел») – чаще о лени, нежелании работать). За каламбурным соотношением имени *Тихон* – «тихий» стоит персонификация бескон-

трольного состояния (ср. *тишина, тишинка* пермское диалектное обозначение психического заболевания, депрессии). Еще одна семантическая группа, активно маркируемая сходными фразеологическими средствами в разных языках, – характеристика интеллектуальных отклонений. Коми-пермяцкий фразеологизм *максимкоэс тиакьявны муцмась* (букв. «его максимки за грибами ушли») близок к пермским *ум по грибы/на гарюшки ушел* – о человеке с психическими отклонениями. В выражении использовано частое в русском языке соотношение мозга, головы с *Максимом* (от лат. *максимус* ‘главный’); в русской речи для передачи этого же значения имя может использоваться вполне автономно (в выражении *с максимцем* – о человеке со странностями).

Как показывает материал, финно-угорскими народами в большом количестве заимствованы не только прозрачные по характеру образности, но и достаточно идиоматичные русские диалектные фразеологизмы. Соответственно, носителями неродственных русскому языков могут быть освоены отраженные в русской фразеологии культурные и оценочные коннотации, в том числе отмеченные этнической спецификой. Данный факт можно осмысливать как прямое свидетельство особого типа билингвизма некоторых групп коми-пермяков – билингвизма не только продуктивного, но и творческого. «Привлекательность» русской диалектной фразеологии для обитателей соседних с русскими финно-угорских территорий может быть объяснена тем, что с ее помощью компенсируется определенный дефицит экспрессивных средств коми и удмуртского языков. В свою очередь, этот дефицит объясняется многими исследователями особенностями этнической психологии коми и удмуртов – слабо выраженной внешней эмоциональностью, сдержанным темпераментом.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках проекта 029а-Ф «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние» программы стратегического развития ПГГПУ.

² В анализе использованы данные ряда диалектных словарей русских говоров Прикамья (Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1–3. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2010, 2012; Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н.Борисовой, К.Н.Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 2000–2002; Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / авт. кол.: Н.Ю.Копытов, И.А.Подюков, А.В.Черных. Пермь, 2006. 272 с; Фразеологический словарь пермских говоров /

сост. К.Н.Прокошева. Пермь: ПГПУ, 2002. 432 с.) и фразеологических словарей коми-пермяцкого, коми-зырянского, удмуртского языков (Попова О.А. Словарь коми-пермяцкой фразеологии. Пермь: ПГПУ, 2010. 343 с.; Тарабукин И.И. Коми-русский фразеологический словарь / под ред. проф. В.И.Лыткина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1959. 147 с.; Дзюина К. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск: Изд-во Удмуртия, 1967. 131 с.). Следует отметить, что многие из описываемых фразеологизмов не только фиксируются в русских говорах Прикамья, но и встречаются на Вятке, Русском Севере, в Сибири.

³ Под песню об «окоящем ящуре» ведущий предлагает играющим «сжечь овин», для чего выбирают жениха, невесту, дружку, затем зажигают на заслонках поленья, и играющие парами прыгают через огонь. См. подробно: Морозов И.А., Слепцова И.О. Святки и масленица // Российский этнограф: Этнологический альманах. 1993. URL: http://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_01_5.htm. (дата обращения: 18.10.2012).

Список литературы

Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX в. // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С.94–03.

Которова Е.Г. Национально-культурное и языковое своеобразие немецкого и русского языков // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М.: Изд-во МГУ, 1982. Вып.6. С.18–25.

Мадлевская Е.Л. Касьянов день // URL: <http://www.ethnomuseum.ru/> (дата обращения: 18.10.2012).

Мокиенко В.М. Фразеологическое калькирование как генератор интернационализации языковой системы // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Четвертые жуковские чтения: материалы междунар. науч. симп. Великий Новгород, 2009. С.24–28.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель, 2003.

Wilton's Etymology Page. URL: <http://www.wilton.net/etymal.htm>.

RUSSIAN DIALECT PHRASEOLOGY OF PRIKAMYE IN FINNO-UGRIC MASTERING

Ivan A. Podyukov

**Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

The article deals with facts of interlanguage correspondence of the Prikamye Russian dialect phraseology and the phraseology of the Udmurt and Komi languages (Komi-Permyak and Komi-Zyryan). The semantics and figurativeness specificity of loanword Russian dialect phraseology are described. Types of adoptions (total adoption, phraseological calque, half-calque) are revealed and characterized. Some ways of phraseological adoptions and typological equivalents differentiation in unrelated languages that are in active cultural-linguistic interaction are offered. The author deduces the ways of mastering by native speakers the languages, unrelated to Russian, which are reflected in Russian phraseology in cultural and evaluative connotations, including the ones with the Slavonic ethnic specificity.

Key words: cultural-linguistic interaction of Russian and non-Slavic Prikamye population; Russian dialect phraseology; types and ways of phraseological adoption.